SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир был сотворён, мир был совершенен, но пролилась кровь человеческая и, распробовав её вкус, дети Божьи, вот которую эпоху, совершенствуют искусство уничтожения себе подобных. Первый клинок, первый орудийный залп, первый атомный гриб. Сможет ли безумец остановиться, обретя всемогущество, и можно ли сохранить душу, лишившись сердца?

- Сергиенко Иван
  - ○

Сергиенко Иван
Дети Божьи

И сказал змей жене: нет, не умрете,
но знает Бог, что в день, в который
вы вкусите их, откроются глаза ваши,
и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

(Книга Бытие 3:4,5)

Шаг… шаг… шаг…

Я пытался считать шаги, но давно сбился…

Шаг, шаг, шаг. Делаю вдох. Горячий, наполненный мельчайшей пылью воздух врывается в лёгкие. Я не нуждаюсь в нём, как, впрочем, и в воде, и в пище… Но я упорно продолжаю цепляться за то, что осталось от меня прежнего.

Останавливаюсь и прикладываю ладонь к холодной, как лёд, груди. Я хочу услышать сердцебиение, но плоть глуха, и только холод обжигает руку. На грани слышимости раздаётся мелодичный голос.

Выбранный режим терморегуляции необходим для защиты органических структур. Для изменения режима терморегуляции необходима полная реструкция остаточной органики.

Я ощупываю грудь.

Почему оно не бьётся?

Перед моими глазами услужливо всплывает картина прошлого.

Как, как я мог забыть это?

Травмирующие воспоминания были заблокированы по вашему желанию, — услужливо сообщает всё тот же голос.

Моя плоть прочнее стали, но я разрываю её и падаю на колени. Ошмётки моей кожи увядшими листьями падают на песок из ослабевших рук.

Опускаю взгляд. Из развороченной груди торчат рёбра. Проскакивает дурацкая мысль: «Точно, как тогда».

Перепуганное женское лицо, детский плач, вражеские солдаты… Они совсем рядом, они поднимают меня. Нет, меня

поднимает только один, ведь я такой маленький и лёгкий. Он несёт меня мимо горящего дома, мимо зеркальной стены, и в ней отражается маленький человечек с искривлённым в гримасе лицом. Боли нет, центры, отвечающие за неё, блокированы. Но глупая плоть об этом не знает. Рот открыт в бесконечном безмолвном крике. А в груди, на том месте, где совсем недавно располагалось живое, горячее сердце, зияет дыра, и через неё виден крохотный кусочек затянутого тучами неба.

Я рычу и поднимаюсь, провожу рукой по груди. Идеальная текстура, ни следа ужасных повреждений, рёбра тоже срослись и укрепились, теперь сломать их так легко не выйдет.

Осторожнее, — говорит голос, в нём слышатся нежность и лёгкий упрёк.

Ненавижу! — ору я в пустоту, голос молчит.

Продолжаю идти. Шаг. Шаг. Шаг.

Ветер вздымает пылевые вихри, и в их кружении я вижу тысячи лиц, слышу тысячи голосов, и все они говорят со мной.

Эхо прошлого. Я останавливаюсь, меня разбирает безудержный смех:

Так вот он, оказывается, каков, загробный мир.

Вы не мертвы, — возражает моим мыслям голос.

Шаг! Шаг! Шаг!

Ветер вздымает песчаный волчок прямо у меня под ногами, и водоворот лиц уносит меня, оглушает гулом голосов и выбрасывает в уютный полумрак провинциального бара.

Я оглядываюсь и привычным, отработанным за долгие годы движением подношу ко рту кружку. Холодное пиво течёт по глотке, а следом отправляется четверть горячей, исходящей паром сосиски.

Радио что-то невнятно бормочет, а сидящие за соседним столиком завсегдатаи оживлённо спорят.

Да о чём ты говоришь, о какой гуманности? Они будут гуманны с тобой? И вообще: кто начал эту войну?

А кто её начал? — спрашиваю я.

Мужчина поворачивается ко мне, хочет что-то сказать, но его лицо оплывает, стекает, как воск свечного огарка.

Я падаю на раскалённый песок. Зачерпываю полную горсть и тонкими струйками пропускаю сквозь пальцы.

Остаточное информационное поле, — подсказывает голос.

Я знаю это, но ничего не говорю, встаю и вновь: шаг, шаг, шаг!

Смотрю в небо. Больше нет озонового слоя, и ультрафиолет свободно льётся на мёртвую планету. Будь у меня настоящие глаза, я бы ослеп. Но я спокойно смотрю на этот ужасающий

небесный костёр. И продолжаю идти. Шаг, шаг, шаг!

Мне показалось, что в ближайшем песчаном волчке мелькнуло знакомое лицо.

Безумный пророк, последний из… — я запнулся, не решаясь закончить мысль, — она была такой простой и одновременно страшной.

«Кто начал войну?» — спрашиваете вы. Я же говорю вам: это не важно. Это никогда не было важно. Вы спрашиваете: «Кто победит в войне?» Я же говорю вам: в войне не может быть победителей. Вы осыпали друг друга бомбами, вы ровняли города с землёй, запекая миллионы в пламени водородных взрывов, но вам и этого мало. Вы поджигаете космос и гасите звёзды, вы создаёте новое оружие, куда страшнее всех предыдущих. И я плачу, плачу, ибо демон, которого вы выпустили, сожжёт всю Вселенную».

Так говорил безумный пророк, — произнёс я шёпотом и добавил, — последний настоящий человек.

Я не верил ему. Я верил в победу, верил в свою ненависть к врагам и верил в ту силу, которую давали мне мето. Мельчайшие машины, каждая меньше атома водорода, они с невероятной скоростью преобразовывали материю в новые мето. Именно благодаря им я выжил, именно они долгие годы качали мою кровь вместо утраченного сердца, прежде чем перестроить моё тело так, что кровь была мне больше не нужна. Наступила новая эра, эра сверхчеловека, эра мето. Они могли создать любые структуры и выполнять любую команду оператора, наделённого достаточным уровнем доступа.

Смотрю в небо. Пылающий костёр солнца заливает мир жаром и светом. Последняя звезда во Вселенной.

Пророк был прав. Мы сожгли мироздание и потушили звёзды.

Став всемогущим, человек так и не смог избавиться от своих привычек. Человек продолжил делать то, что умел лучше всего — разрушать.

Две враждующие стороны, ни одна из которых не помнила начало войны, одновременно получили доступ к новой технологии.

Понадобилось меньше часа, чтобы уничтожить всё живое на Земле.

Но ещё до этого обе враждующие стороны начали эвакуацию. Мето позволяли строить космические корабли в считаные минуты. Человечество отправилась в космос, но и там оно не одумались. Война продолжалась, только теперь распылялись, обращаясь в мето, звёзды и планеты со всеми их жителями.

Безумный пророк говорил так: «У всего есть причина и

следствие, каждый шаг каждого человека в каждый момент истории привёл вас туда, где вы сейчас».

Бесконечная война всемогущих и почти бессмертных людей привела к тому, что последний представитель одной из враждующих сторон сейчас идёт по мёртвой пустыне на последней планете у последней звезды во Вселенной.

Он вернулся туда, где всё началось когда-то невообразимо давно. А, может, это было совсем недавно?

Я не оплакивал свой погибший мир. Странно, я слышал, что для скорби нужно сердце. При чём тут сердце, оно просто мышца, качающая кровь, что бы плакать нужны слёзные железы… ах да их у меня тоже нет.

Я вернулся на Землю и брёл сейчас среди барханов, песок которых состоял из мето, с единственной целью — закончить эту войну.

Внимание, обнаружен враг! — раздался встревоженный голос. — Рекомендуются меры к превентивной обороне.

Я представил, как неведомый враг рассыпается пылью, и покачал головой.

Больше не буду.

Отмахнувшись от паникующего голоса, я взобрался на вершину бархана и закрыл глаза в предвкушении конца.

Секунды тянулись, сливаясь в минуты, но ничего не происходило.

Я открыл глаза. Рядом со мной, буквально в шаге, стоял и смотрел на меня враг. Вернее, стояла. Девушка смотрела на меня, и на её лице читалось недоумение. В этот миг я всё понял. Она тоже последняя, и она тоже хотела окончить войну, а сейчас не может понять, почему я её не убил. Видимо, ей в голову пришла та же мысль, потому что она улыбнулась.

И вот на вершине бархана посреди безжизненной пустыни, на последней планете у последней звезды произошло невозможное. Последние представители двух враждующих сторон пожали руки, положив конец войне.

Всё-таки ты ошибся, безумный пророк. Мы смогли победить.

Солнце зашло, мы сидели на свежей зелёной траве и смотрели на то, как в ночном небе, повинуясь нашему желанию, загораются звёзды.

13-14 октября 2016 г.